Галина Лохова

Саркис и Лапочка

Галина Лохова
Саркис и Лаппочка

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21636615
Саркис и Лаппочка / Галина Лохова: Издательство «Четыре четверти»; Минск; 2016
ISBN 978-985-581-038-5

Аннотация

Книга «Саркис и Лаппочка» – история о белорусском балете. Автор включается в живой диалог с героями: известными танцовщиками Виктором Саркисьяном и Ольгой Лаппо, выдающимся балетмейстером Валентином Елизарьевым… О становлении национальной балетной школы, легендах советского и мирового балета рассказывают очевидцы, люди нашей эпохи. Неформальное повествование позволяет погрузиться в атмосферу танца, почувствовать себя на сцене, за кулисами, у тренировочного станка, проникнуться взглядом артиста на окружающую действительность, понять его юмор.

Адресована широкому кругу читателей.

Содержание

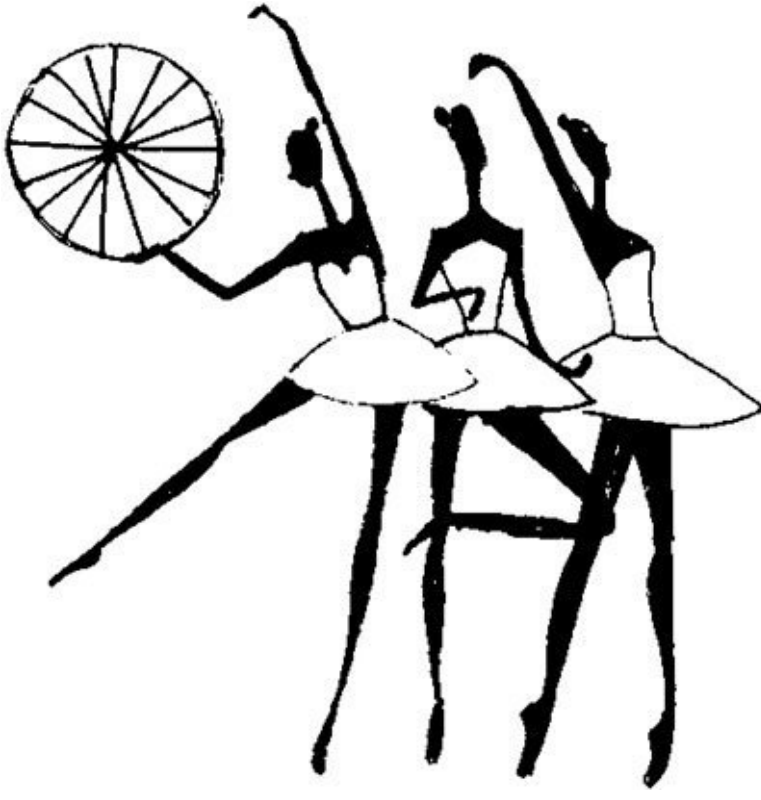
Несколько слов вначале… 7
I Акт 14
Моя мама была шахтером 14
Гастроли в Смоленске. 1977 год 14
Саркисьян 15
Отец 15
Мама 16
Бабушка, дед, дядя Коля 17
Ест в одиночку у всех на виду, значит, богатый 19
Антонина 21
Географ 22
Спортивная форма ДСШ 23
Физрук Сидоров стал моим первым хореографом 24
Первый успех 25
Танцевальный кружок в ДК Маяковского 25
Мамино письмо. 1966 год 27
Ирина Тиме и Народный балет Ростсельмаша. 1961 год 35
Культпросвет и ростовская шпана 35
Тиме 37
Сколько в труппе профессионалов? 38

Барышня и хулиган 40
О высоком. Как делается балет и зачем он нужен… 41
Возвращаемся к прозе жизни… Сапоги 42
Володя Деружинский 43
Отправьте его в Минск, или первое явление Раи и Коли Красовких 43
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Галина Лохова
Саркис и Лаппочка

Документальная история

© Лохова Г. Ю., 2016
© Оформление. ОДО «Издательство “Четыре четверти”», 2016



Несколько слов вначале…

И дырами будет светиться все утраченное…

Это история двух артистов балета, мужчины и женщины. Они вместе с момента встречи в хореографическом училище и до сих пор: почти 50 лет. Друзья зовут их Саркис и Лаппочка.

Он: Виктор Саркисьян, поцелованный Богом, абсолютный любимец публики, танцовщик с мощной мужской энергетикой, народный артист БССР, обладатель третьей премии I Международного конкурса балета в Москве 1969 года, профессор кафедры актерского мастерства Белорусской государственной академии искусств.

Она: Ольга Лаппо, ведущая солистка Большого театра оперы и балета Республики Беларусь и ведущий педагог Белорусской государственной хореографической гимназии-колледжа, ученица Нины Млодзинской и Софьи Головкиной, хранительница балетных традиций, мастер по превращению маленьких девочек в прекрасных балерин.

Возможно, вам покажется, что книга вне жанров. Это не исследование творчества и не мемуары, скорее попытка восстановить память о людях и событиях. Пробегать сухие строки биографии, когда за скобками остается все самое вкусное – мысли, эмоции, настроения, смешные случаи и траги-

ческие, все специи жизни – все равно что жевать диетический хлеб без масла… (Ну вот, начинается, как всегда у балетных, цирковых и гимнастов: любой разговор сворачивает на кулинарную тему!)

Записей и фотографий немного: их никто специально не собирал, не придавал им большого значения. Да и балет – такая вещь, о которой словами и фотографиями рассказать невозможно, даже видео показывает движение, но не передает энергию артиста. Маленькие эпизоды и детали складываются в мозаику жизни, утерянные или забытые в суете имена неожиданно и сладостно возникают из небытия, наполняя теплом сердце. В книге встречается множество имен – это сделано специально: в повседневности, к сожалению, забываются люди, которые и есть эпоха.

Ну что ж, начнем, пожалуй…

– Что вы танцуете?
Приветствие в племени Банту, дословный перевод

Меньше всего я интересуюсь тем, как люди двигаются, меня интересует, что ими движет…
Пина Бауш, танцовщица, хореограф

Балет – искусство не интеллектуальное, а визуальное. Его надо смотреть. Он как прекрасный цветок. Что вы можете сказать о прекрасном цветке? Все, что вы можете сказать, что он

красив…
Джорж Баланчин,
балетмейстер

Ушла из театра, сраженная в сердце…
Майя Плисецкая,
балерина, 5 лет

Виктор Саркисьян

Ольга Лаппо

I Акт

Все по-настоящему значимое находится в той области, где у человека сердце.
Сергей Соловьев, кинорежиссер

Моя мама была шахтером

(Страницы дневника В. Саркисьяна)

Гастроли в Смоленске. 1977 год

Лежу в гостинице на кровати, не могу уснуть. Вспомнил годы детства: бабушку, маму, дом, знакомых, близких. Вспомнил, как пошел в школу, подумал, что напрасно уничтожил дневник, который вел с 14 до 24 лет. Я описывал в нем собственные чувства. Однажды, прочитав написанное, разорвал листы: показалось слишком откровенным. Осталось лишь несколько страниц. Сейчас хотелось бы восстановить записи, но я понимаю, что не смогу этого сделать так же честно, как раньше: не хватит мужества. Тогда стоит ли тратить на дневник время и эмоции?..

Саркисьян

Фамилия Саркисьян мне досталась от первого мужа матери. Георгий Саркисьян был талантливым художником и человеком. В сталинские времена отправился на съезд в Москву, и больше его никто не видел. Мама попросила: «Сохрани память о нем, сохрани фамилию». Мама сказала – я сделал. Так всю жизнь и живу с армянской фамилией. Ну какой я Саркисьян: белобрысый, лопоухий, голубоглазый?..

Отец

Родился я в 1947 году в городе Каменске-Шахтинском Ростовской области.

Настоящая моя фамилия – Твердов. Про отца мне рассказала бабушка: он был проезжим и звали его Владимир Владимирович. Я отца не видел, мама о нем никогда не говорила, и никто мне его фотографии не показал. Смутно помню, как меня чуть не украли и не увезли в Краснодарский край, где в то время жил отец. Мне было лет 6: двое мужчин с кавказской внешностью дали игрушку, взяли за руку и повели по улице. Соседи позвали бабушку. Она ураганом вылетела из дома, подняла страшный крик и оторвала меня от похитителей. Те быстро исчезли, и об отце я больше ничего не слышал.

Мама

Воспитывала меня бабушка, потому что мама сразу после моего рождения уехала на Сахалин в поисках заработка. Там она вышла замуж за Туголукова Ивана Васильевича, моториста на рыболовецком судне. В 1950-м, когда мне было 3 года, они вернулись и поселились в городе Шахты Ростовской области. Мама устроилась забойщиком в шахту, а отчим – в автогаражное хозяйство. Это время жизни, если можно назвать это жизнью, вспоминаю с ужасом.

Мать уходила в 5 утра, возвращалась домой поздно вечером уставшей и почерневшей от угольной пыли. Как объяснить, что женщина выполняла работу, которую не всякий мужик осилит? Уголь тогда рубили вручную, отбойный молоток весил больше 9 килограмм, смена длилась по 10–12 часов, и женщин в то время под землей работало больше, чем мужчин. Использование женского труда в забоях было запрещено в 1957 году…

Мама приходила настолько измочаленной, что любая оплошность с моей стороны выводила ее из себя и оборачивалась жесткой поркой. Если я громко жевал за столом, она хватала меня за волосы, брала армейский ремень, снимала штаны, зажимала между ног и лупила до исступления. Отчим оттаскивал ее, бил, чтобы прекратить истерику, укладывал на кровать, клал ей на лоб мокрую тряпку и успока-

ивал. Меня отводили на улицу подальше от дома. Как только мать открывала глаза, все начиналось сначала. Часто она обвиняла отчима в чем-нибудь, бросалась на него с ножом. Эти леденящие кровь сцены производили на меня страшное впечатление. Виной всему была тяжелая ее работа и безысходность, но детское потрясение живет во мне до сих пор.

Отчима я любил и называл папой. Он был волевой честный человек с интересной жизнью, работал на траулерах. В его жизни было много невероятных приключений, которые, к счастью, оканчивались благополучно. Хоть и не родной, отчим относился ко мне очень хорошо и даже баловал: покупал иногда конфеты. От первого брака у него были 2 дочери, которые вышли замуж и уехали в другие города.

Друзей у меня почти не было, потому что я был запуган и часто плакал, но если они и появлялись, дружба быстро терялась из-за матери, которая не давала ни с кем общаться.

Ужасные сцены повторялись часто, и бабушка забрала меня жить к себе. Стал видеться с матерью очень и очень редко, да и то в присутствии бабушки. Через несколько лет мама с отчимом переехали на хутор Красновка, что недалеко от Каменска, у них родились сначала Люба, потом Наташа, и мне казалось, маме вообще стало не до меня.

Бабушка, дед, дядя Коля

Бабушка, Златопольская Ольга Григорьевна (по мужу Ко-

шелева), имела земли и дома в Польше, так что во мне есть частичка польской крови. Почему она оказалась в Каменске-Шахтинском, я не узнал, а она сама об этом никогда не говорила. Она была умная и добрая, привила мне любовь к литературе, искусству, природе, ко всему тому, в чем видела красоту мира.

Дед Яков был огромного роста, плотник с золотыми руками, он рано умер, и его я помню смутно. Когда ко мне в Минск приехала двоюродная сестра Тамара с мужем Володей, они удивились, что я сам построил дом на даче, имея из арсенала инструментов только топор и молоток. Володя воскликнул: «Весь в деда!», поехал в магазин и купил мне комплект строительного инструмента.

У деда с бабушкой были сын Коля и три дочки: старшая – Шура (она тоже растила меня, я называл ее мама Шура), средняя – Зинаида и младшая – Валентина, моя мама.

Дядя Коля был для меня авторитетом, майор-артиллерист, воевал на фронте, вернулся с войны невредимым. Он разрешал мне рассматривать свои многочисленные награды. В молодости дядя играл в футбол, но потом ушел из спорта из-за травмы. Он был мастером на все руки: сложил в доме печь из кирпича, которую бабушка топила каждое утро. Когда в комнате становилось тепло, так сладко было лежать под одеялом – не хотелось идти в школу.

Когда дядя Коля приходил с работы, они шушукались с бабушкой на кухне, и до моего слуха доносилось имя Стали-

на. Я в то время думал, что они говорили о Сталине, подарившем нам счастливое детство.

Ест в одиночку у всех на виду, значит, богатый

Весь дом на своих плечах тащила тетя Зина, работавшая в две смены на секретном заводе. В то время раздавали земельные участки, которые назывались «бахча». Нам тоже выделили такой участок. На нем старшая дочь бабушки, Шура, выращивала арбузы, картофель и кукурузу. Этим мы питались весь год.

Бабушка готовила один раз в день, мы ели, когда приходили из школы. Если удавалось перехватить из еды еще что-то, это считалось счастьем. Иногда бабушка давала пятак и посылала за калачом. Так назывался большой свежеиспеченный бублик из пшеницы. Отстояв час в очереди, я покупал этот долгожданный калач (давали один в одни руки), и мы его дома, растерзав, съедали.

Если посторонний человек ел у нас на виду, не понимая, что рядом дети, которым постоянно хочется кушать, мы ненавидели его: считали, что он богат и может себе позволить вот так сидеть и есть, не делясь ни с кем. С тех пор у меня появился комплекс: стесняюсь при людях есть. Кажется, что все на меня смотрят и ненавидят. Понимаю, что это глупость, но прошлое засело во мне так прочно, что ничего

не могу поделать. Испытанные в детстве нищета, унижения и побои повлияли на мой характер и на мою жизнь.

С обувью и одеждой также были проблемы. Однажды пошел в школу в теткиных сапогах, а когда меня вызвали к доске, сказал, что не выучил урок: не хотел, чтобы надо мной смеялись. Потом возвращался домой по обочине, по глубокому снегу, специально проваливая сапоги в сугроб, чтобы их не было видно. Дядя Коля переделал свои солдатские сапоги на мой размер, а из его гимнастерки бабушка сшила рубаху. Когда мне, как ребенку из малоимущей семьи, выдали в школе пальто и обувь, я был счастлив, а бабушка – еще счастливее.

Я любил гонять с соседскими мальчишками лошадей в ночное: огромное поле, скошенная трава, кони – красивейшие животные, благородные и благодарные. Нравилось поливать сад, пусть он был небольшим, но я его любил, потому что за ним ухаживал. Любил мыть полы и не считал это стыдным. Летом мы делали самокаты, сбив под углом две доски и прикрепив вместо колес подшипники, а зимой – коньки из дерева, приматывали их к башмакам веревками. Бабушка меня журила за поздние возвращения домой, но делала это беззлобно, и я на нее никогда не обижался, потому что знал, как она меня любит. Светлую память о ней я сохранил на всю жизнь.

Антонина

У тети Зинаиды было две дочки. С младшей, Людмилой, я не общался, считал ее малолеткой. А вот с Антониной мы почти не разлучались. Она поучала меня, потому что была старше на целый месяц! И если я не выполнял ее требований, она меня колотила. Я плакал – бабушка спешила на выручку и часто снимала меня с какого-нибудь дерева во дворе, куда я залезал, чтобы спрятаться от Тони. Выглядело это очень смешно, бабушка говорила Антонине, что братьев нельзя обижать, и мы мирились.

Мы учились с Тоней в одном классе. Наша школа № 3 находилась так близко от дома, что можно было бегать на переменке домой. Учился я по всем предметам плохо. Не потому, что не мог, просто не хотел. Во втором классе имел успех у одноклассников на уроке пения, мне даже предсказывали будущее певца. Часто на контрольной я не мог решить задачу или не успевал написать сочинение. От мысли, что мне за это поставят двойку, плакал, хотя и знал, что бабушка ругать не будет, но я все равно плакал, переживая, что она расстроится.

Тоня решала мне задачи по арифметике и даже писала за меня какие-то контрольные и сочинения. Некоторые учителя вели уроки скучно и неинтересно и вовсе не были знатоками своего предмета, работали спустя рукава. Мы этим поль-

зовались – в итоге ничего не знали. Директор школы Скоробогатов Николай Николаевич, грузный и добрый, многое нам прощал. «Ох уж эти послевоенные дети», – он знал, как мы живем, знал, что у многих нет отцов или матерей. На родительские собрания ходила только бабушка, она вместе со мной переносила детские горести и радости. Мать в школе никогда не появлялась, ссылаясь на занятость, я стал ей чужим.

Географ

Моим кумиром был учитель географии. Когда он впервые вошел в класс, я был поражен внешним видом: подтянутый, с прямой спиной, гладко выбритый, ни морщинки на выглаженном офицерском мундире, ни пылинки на начищенных до блеска сапогах. Бывший фронтовик, он слегка прихрамывал после ранения.

Мы его любили и побаивались. Он никогда не повышал голоса, говорил негромко, четко и жестко. Если кто-то начинал шуметь и хулиганить, спокойно просил: «Кто виноват, выйди из класса, пожалуйста», и этот кто-то вставал в тишине и выходил. Географ никогда не жаловался на нас директору, и мы его за это уважали.

Только однажды, когда я нашел у соседа в сарае немецкий штык со свастикой, притащил в класс и всем показал, Географ вызвал моих родителей: «Этим штыком людей убива-

ли». Бабушка пришла в школу и впервые за все время ругала меня так, что даже Географ встал на защиту. С тех пор у меня осталась привычка: когда нервничаю – начинаю дергаться.

Мне хотелось быть похожим на Географа, хотелось почувствовать рядом мужскую силу, поговорить о мужских делах, хотелось, чтобы он заметил меня, считал взрослым и знал, что смогу выполнить любую мужскую работу. Поэтому я тщательно учил географию и выше других тянул руку. Просто у меня не было отца…

Спортивная форма ДСШ

Любимым моим предметом была физкультура: меня включили в школьную команду, я перепробовал все виды спорта, кроме тяжелой атлетики. Одновременно занимался гимнастикой, футболом, ходил в секцию легкой атлетики при ДСШ, с энтузиазмом готовился к соревнованиям и даже получал грамоты. Соревнования обычно проходили на стадионе «Прогресс».

Однажды тренер по легкой атлетике собрал нас и сказал, чтобы мы получили спортивную форму и «послезавтра пришли в ней на стадион, где будем идти колонной в честь Дня Физкультурника». Услышав первую часть про форму, я так обрадовался, что прослушал, зачем и куда в ней надо идти. Назавтра я поехал к матери в Красновку и гордо щеголял весь день перед деревенскими мальчишками в новень-

кой спортивной форме, на груди моей крупными буквами было написано «ДСШ». На следующую тренировку я пришел как ни в чем не бывало и очень удивился, когда тренер отругал меня и сказал, что я специально не пришел на праздник. Я не стал ему объяснять, почему не явился, было стыдно, когда он ругал меня. Я сдал форму и больше в секцию не ходил.

Физрук Сидоров стал моим первым хореографом

Когда школа готовилась к праздничным концертам или смотрам художественной самодеятельности, директор поручал нашему физруку Сидорову Алексею Ивановичу подготовить танцевальные номера. Физрук собирал мальчиков и девочек в спортзале и спрашивал, кто что умеет делать. Потом все предложенные движения Сидоров замешивал в танец и придумывал своему шедевру какое-нибудь звучное название. До сих пор почти целиком помню «Русский танец», потому что, исполняя его на концерте, ошибся в двух движениях. Но тогда ни о танцах, и уж тем более ни о балете я не думал, и если видел их по телевизору, то скучал и убегал к ребятам играть в футбол.

Первый успех

В парке по выходным работали аттракционы и устраивались соревнования. Как-то проводили танцевальный конкурс, участвовать мог любой желающий, я тоже включился в эту сутолоку. Организаторы конкурса постепенно исключали из игры тех, кто был слабее, в итоге остался я и еще один взрослый дяденька. Нас окружили кольцом, зрители хлопали и подбадривали. В результате собравшиеся проголосовали за меня, мне вручили книжку про войну «Капля крови». Это был первый танцевальный успех – подошли ребята и стали звать в танцевальный кружок дома культуры Маяковского, но я был в эйфории и пропустил это мимо ушей. Мне было тогда лет 8.

Танцевальный кружок в ДК Маяковского

Через некоторое время увидел на переменке, как мальчик показывал одноклассникам какие-то танцевальные движения. Я попробовал тоже – получилось не очень, тогда стал повторять снова и снова, даже вспотел. Мальчик одобрительно хмыкнул и показал новое движение:

– А ну-ка посмотри, вот это возьмешь? – движение было более сложным, но я его повторил. Потом еще одно, и еще одно. – Слушай, приходи к нам на занятие в ДК Маяковского

к 7 вечера.

Так я стал заниматься в кружке народного танца. Сначала у меня ничего не получалось, но я старался, постепенно вливался в жизнь кружка, стал потихоньку участвовать в концертах. Полюбил дом культуры Маяковского, он стал мне дороже всего на свете, полюбил его сцену и главное, узнал, что такое дружба. Товарищи помогли мне забыть время страха – все ужасное стало уходить в прошлое, я становился полноценным человеком. Руководителем кружка тогда был Безверхов Николай Иванович, талантливый человек, танцы, которые он ставил, публика всегда встречала восторженно. Потом его заменила Каменева Нина Николаевна, от нее я узнал про культпросвет-училище в Ростове-на-Дону. Когда я собрался уезжать, бабушка расстроилась:

– Зачем ты уезжаешь, я не могу тебя обеспечить ни деньгами, ничем. А школа тебе на зиму пальто выделяет. Теплое.

– Бабушка, не могу здесь больше быть, я хочу учиться.

Променял, короче говоря, зимнее пальто на учебу в Ростове-на-Дону. Мне было тогда 14 лет.

…В 1977-м администрация Ростова-на-Дону пригласила нас с Ольгой выступить на юбилейных концертах. В свободный от выступления день мне выделили автобус с водителем, чтобы я мог навестить родных. Сердце готово было выскочить из груди, когда увидел свой дом в Каменске. Дома никого не было. Мы поехали в больницу, где мама Шура работала уборщицей. Я поднял ее на руки, и слезы полились сами из

глаз. Потом я поехал на работу к сестрам, к отчиму. Стемнело, и надо было уже возвращаться в Ростов. На обратной дороге, трясясь в автобусе, я не смог сдержаться и заплакал. Я не виделся с ними 9 лет и, увидев на 4 часа, уехал вновь. Насколько?

Мамино письмо. 1966 год

(в это время учился в Минском хореографическом училище)

«Здравствуй, сыночек!

Ты не обижайся на нас, что не прислали тебе к маю денег. Мы пошли на почту – наша почта не работала, на другой день поехали в город, зашли до мамы – ей дали немного, да кое-что взяли им покушать: то булочку, то селедку копченую. На третий день был праздник – почта не работала 2 дня, так и разошлись твои деньги. Числа 12-го мы тебе вышлем. У нас стоит теплая погода, только и знаем, что поливаем. Теперь не отдохнешь, как зимой.

Ну а как ты, сынок, живешь, чем занимаешься, как учишься, как идут твои занятия? 4 мая мне на День Рождения одна Валька догадалась прислать поздравительную открытку, она каждый год присылает. Итак, Витя, мне исполнилось 45 лет. Отец взял мне духи за 80 копеек, Наташка – книжку за 30

копеек, а Люба – носки за 40, еще взяли бутылку ситро…»

«Вите Саркисьяну 2 года». Слева направо: тетя Александра Яковлевна Кошелева («мама Шура»), Виктор Саркисьян, старшая сестра по матери Алла Георгиевна Саркисьян

Шахтерки, 50-е годы

Мама Шура и тетя Надя

Каменск-Шахтинский, 60-е годы, стадион «Прогресс»

Каменск-Шахтинский, 60-е годы, ДК Маяковского

Школа № 3, Витя Саркисьян с другом

Ирина Тиме и Народный балет Ростсельмаша. 1961 год

(Страницы дневника В. Саркисьяна)

Культпросвет и ростовская шпана

Поступать на отделение хореографии в ростовское культпросвет-училище мы поехали с другом Сережкой Поляковым.

Жили в общежитии по 6 человек в комнате, стипендия была маленькой, бабушка присылала 3–4 рубля из своей пенсии. Сбрасывались в начале месяца на обеды, так было легче продержаться. Когда на станцию Товарная приходили вагоны с углем, арбузами, овощами, старшекурсники узнавали об этом заранее и брали нас с собой на разгрузку. Мы, младшие, были тощие, вечно голодные, не могли поднять тяжелые мешки по 40–60 кг, так что помогали чисто символически и больше болтались под ногами. Но при расчете старшие ребята честно делили заработок поровну на всех: у них был свой кодекс чести.

Они были нам старшими братьями: крепкие, накаченные,

как теперь говорят, крутые, занимались нашим воспитанием, защищали кулаками от местных хулиганов. Все вопросы тогда решались просто: «драку заказывали?», и чуть что – сразу в нос. Долго потом избавлялся от этой ростовской привычки. Но если при разборках выяснялось, что виноват был кто-нибудь из нас, тогда уже нам доставалось за ложь сполна. В училище мне дали кличку «Князь». Во время разборок с хулиганами она пригодилась – меня не трогали, думали, что за мной стоит кто-то значительный.

Ростов был бандитским городом. Мы дружили со шпаной из нашего района, я жил той жизнью, которая меня окружала, хоть и не нравилась. Попал в компанию, где играли в карты: сначала в дурака, в пульку, в преферанс; потом стали играть на людей: давали задание кого-то избить или отнять что-то. На моих глазах люди проигрывали чужую жизнь. Проигравшему могли, например, назначить сеанс, ряд и место в кинотеатре, и он должен был убить человека, сидевшего на этом месте. И со мной могло такое произойти. Но ребята-старшекурсники выручали, делали так, чтобы я не оказался проигравшим, и потом выдернули меня из этой компании. До сих пор благодарен судьбе и ребятам, что уберегли от уголовщины, с тех пор никогда не беру в руки карт…

Параллельно с этой ростовской реальностью в моей жизни возникла совсем другая: балет.

Тиме

В культпросвет-училище преподавала Ирина Алексеевна Тиме. Она была личностью легендарной, потомственный балетмейстер, бабушка ее, Елизавета Тиме, готовила танцоров для императорского театра. В 1958 году Ирине Алексеевне предложили создать хореографический кружок при ДК завода Ростсельмаш. Через несколько лет кружок вырос в Народный театр балета (НТБ), который имел в своем репертуаре «Бахчисарайский фонтан», «Вальпургиеву ночь», «Тщетную предосторожность», «Мирандолину», «Барышню и хулигана», «Корсара», Класс-концерт. Балеты исполнялись на вполне приличном уровне, в 1963-м «Корсар» ставили на кремлевской сцене в Москве. Народные драмтеатры были тогда привычны, а вот народный театр балета! Их в СССР можно было по пальцам пересчитать: в Москве, в Ленинграде, Новокузнецке, Ярославле, Таганроге и вот – в Ростове-на-Дону.

Ирина Алексеевна всегда просматривала все «танцующие» классы в училище. Она заметила нас с Поляковым и позвала к себе в театр. Узнав об этом, наша преподавательница народного танца Валентина Ивановна Нечаева устроила скандал: «Она вечно всех соблазняет своим театром! Да что ж это такое?! Не ходите туда!» Существование НТБ вызывало у преподавателей приступы ревности, хотя реальная

практика в театре балета дала мне знаний намного больше, чем училище. Мы были сами и актерами, и осветителями, и декораторами, и костюмерами.

Как-то Нечаева поставила нам русский танец и послала от училища на конкурс. Мы удачно прошли два тура, оставался третий, и нас называли фаворитами. Но по иронии судьбы третий тур совпал по времени со спектаклем «Бахчисарайский фонтан» в НТБ. Тиме сказала: «На ваше усмотрение, хотите – приезжайте танцевать спектакль, хотите – дотанцовывайте третий тур, вы там точно награды получите». Мы с Сережкой сбежали с конкурса в Ростов-на-Дону танцевать спектакль. Что творилось в училище! Валентина Ивановна чуть нас не съела! Она обиделась. Конечно, понять ее можно, но мы посчитали, что спектакль важнее.

Сколько в труппе профессионалов?

В Народном театре балета занимались обычные люди, приходили после работы или учебы 5 раз в неделю с 8 до 11 вечера. Когда, посмотрев спектакль, журналисты с недоверием спрашивали, сколько в труппе профессионалов, Тиме серьезно отвечала: «Ну много! Литейщик, старший мастер, инженеры…»

Ирина Алексеевна выбирала спектакли, исходя из наших возможностей, но это были настоящие полноценные версии, не облегченные и не адаптированные. «Не надо, чтобы на

любительской сцене шли облегченные Петипа и Фокин, не надо, чтобы зритель испытывал раздражение, глядя на грязное исполнение шедевров». За сложные вещи мы брались, когда чувствовали в себе силы. Хоть театр наш был самодеятельным, но дисциплина была жесткой: что можно сделать без постоянного профессионального тренажа? Часто, проходя вечером мимо ДК в свободный от занятий день, можно было увидеть свет в окнах балетного класса – мы уговаривали вахтера пустить и занимались самостоятельно.

Тиме была против любых поблажек со стороны администрации завода. Даже в горячие деньки, когда мы готовились к премьере, наши артисты никогда не освобождались от работы: «Не нужно, чтобы у нас занимались из-за каких-то привилегий». У нее была любимая шуточка на случай, когда до премьеры оставалось мало времени и много работы:

– Будем теперь встречаться если не каждый день, то, по крайней мере, два раза в день.

Мне было интересно само отношение Тиме к коллективу: взаимопонимание, самонастраивание на творчество, четкая постановка задач. Ни разу здесь не видел никого в плохом настроении – только шутки, смех, оживление. Тиме потрясающая была, удивительная, научила нас внутренней чистоплотности и порядочности, готова была простить технические ошибки, но не прощала лени и равнодушия. Она взращивала в нас творческое начало: «Ищите, фантазируйте, ошибайтесь, главное, чтобы вы думали. Все хорошее мы использу-

ем»… И каждый искал в роли свои краски, свое откровение. Даже те, кто исполнял совсем маленькие партии.

И еще она говорила: «Если у тебя все хорошо в жизни – это плохо. А вот когда у тебя будут трудности, ты начнешь мужать и физически, и интеллектуально». Это очень важный момент для любого человека. Когда у тебя все хорошо, тебя по головке погладили – и ты не ощущаешь, где плохо сработал. «Честолюбца задушили фимиамом». Это абсолютно точно. Похвалили раз-два – и ты уже думаешь, что гений, а на самом деле ты – никто, ты должен работать, не останавливаясь. Я ей благодарен за то, что она настроила меня: трудности это хорошо, ты должен их преодолеть, не опускай руки, будь бойцом. В балете нужны бойцы. Потому что театр есть театр: есть интриги, есть неприятные истории, есть большие физические нагрузки. Преодолевая все это, люди выходят возмужавшими…

Барышня и хулиган

Была в жизни театра драматическая история, почти как в балете «Барышня и хулиган», только в роли барышни выступил наш народный театр. Парень из одной ростовской банды случайно попал в ДК Ростсельмаша и всю нашу репетицию простоял под дверью, подглядывая в замочную скважину. В конце занятия он осмелился зайти и, переминаясь с ноги на ногу, попросил, чтобы «его взяли в балет». Он стал ходить на

занятия. Бывшие приятели с улицы не простили предательства: встретили его после репетиции в подворотне и пырнули ножом. К счастью, все закончилось благополучно. Врачи успели его спасти, ребята из театра ходили к нему в больницу навещать.

О высоком. Как делается балет и зачем он нужен…

Как мы делали очередной балет, Ирина Алексеевна рассказывала в одном из интервью: «Нам для выпуска спектакля нужно 15 репетиций с оркестром. Обязательно с профессиональным, потому что самодеятельный симфонический не вытягивает целый спектакль. Каждая репетиция с профессиональными музыкантами стоит Дворцу культуры 190 рублей. Умножьте эту сумму на 15, и вы поймете, почему мы даем 5–6 премьер подряд и все. Больше бюджет не выдерживает. Ведь в ДК есть и другие коллективы, им тоже деньги нужны». Между прочим, так сейчас работают многие профессиональные театры в мире: постановочный период, несколько подряд премьерных спектаклей и все.

Наши спектакли шли бесплатно и всегда при переполненном зале, каждая премьера ожидалась с нетерпением, заводская многотиражка печатала после премьеры рецензии и отзывы зрителей. Может быть, это и было самым важным. На заводе образовалось сообщество сотрудников, их друзей и

детей, в котором понимали балет и поддерживали его. Как сказал артист в театре и инженер в миру Виктор Кравченко, «может, это и звучит выспренно, но красоту мира и место мое в этом мире открыл мне балет. Серьезно. Если бы я не занимался им, я был бы другим человеком. Я был бы хуже. Понимаете, душевно хуже…»

Возвращаемся к прозе жизни… Сапоги

Для репетиций театр выдавал каждому по паре балетных туфель и сапог, которые потом не менялись, а только постоянно ремонтировались. Собственной житейской обуви мы с Сережкой Поляковым не имели и нашли отличный выход: ходили в танцевальных сапогах целыми днями, независимо от погоды, и в дождь и в снег. Если честно, сапоги были только видимостью – ноги замерзали через 3 минуты, подошва была такая тоненькая, что чувствовалась каждая неровность, а через пару дней и вовсе отклеивалась. Мы ехали зайцем на общественном транспорте от культпросвет-училища до ДК Ростсельмаша и являлись на репетиции НТБ уже в мокрых сапогах. Как ни скрывали, однажды Тиме нас все-таки застукала. Узнав о плачевном финансовом положении, ребята собрали деньги и купили нам ботинки. И еще с тех пор три раза в неделю мы с Сережкой ходили к Ирине Алексеевне домой на обед: так она помогала нам растянуть стипендию до конца месяца.

Володя Деружинский

Душой театра балета был Володя Деружинский. Талантливый человек и танцовщик, настоящий товарищ, с хорошим вкусом и теоретическими знаниями, он мог в двух словах объяснить движение или сцену, и ты потом сам удивлялся, как все легко и просто.

Балеты ставила обычно сама Ирина Алексеевна. Но некоторые сцены и даже целые спектакли она доверяла поставить Володе. Он сочинял свои либретто и свои балеты. Два из них – «К звездам» и «Заря над Доном» – получили потом в Москве золотые медали на Всесоюзном смотре самодеятельности.

У него была буйная фантазия, интуиция, он делал интересные мизансцены, выразительные пантомимные куски и динамичные бои. Помню его хитрого, сильного предателя Бербанто в «Корсаре» и воинственного Нурали в «Бахчисарайском фонтане».

Отправьте его в Минск, или первое явление Раи и Коли Красовких

Отправить Сергея Полякова, Нину Павлову, Свету Масаневу и меня в Минское хореографическое училище предложили Раиса и Николай Красовские. Они были в то время

ведущими артистами белорусского балета, приехали в Ростов-на-Дону на гастроли, прослышали от кого-то о Народном театре балета и пришли посмотреть, что это такое.

Тут надо отдать должное Ирине Алексеевне, она долго не раздумывала:

– Да, вам надо учиться дальше, танец будет вашей профессией.

Первой в Минск поехала Нина Павлова, потом – мы с Сережей Поляковым, следом – Света Масанева, на следующий год братья Федякины отправились в Питер, а Василий Клейменов – в Вагановское училище. Ирина Алексеевна не побоялась ослабить свой театр, думала не о себе, а о нашем будущем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.